

17 апреля 1982

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Гарий НЕМЧЕНКО

СТО

ШАГОВ

киноповесть

Не меньше народа внутри ограждения, около домны — и монтажники со своими инженерами, и горновые, и строительное да заводское начальство, и кинохроника с фоторепортерами, и общественность, и еще неизвестно кто.

Руководство завода кружком стоит вокруг представителя министерства Полосухина.

Он смотрит на часы.

— Сейчас нам монтажники расскажут, как дела! — кивнул Брагин на подходившего к ним Васильева в прорабском брезентовом плаще поверх полушубка.

— Что-то вы и в самом деле задерживаетесь, — негромко сказал Перчаткин подошедшему. — Обещали начать в четырнадцать, а скоро шестнадцать, вот-вот уже темнеть начнет.

— Петр Игнатьевич никак не переобуется.

Перчаткину показалось, он не расслышал:

— Что-что?

— Бригадир монтажников. Петр Игнатьевич. Он пока не переобуется, мы ни один подъем не начинаем... А тут что-то очень долго...

Брагин усмехнулся:

— В каждом деле свои гиганты мысли! — крутнул пальцем около виска.

— Почему же? — возразил Полосухин и обратился к начальнику монтажников: — А можно на него — хотя бы одним глазком?

— А почему нет?

И все потихоньку двинулись вслед за Васильевым.

* * *

В просторном тепляке на длинной и широкой тесовой скамейке сидел пожилой человек в шерстяных домашней вязки носках, держал в руках сапог с застежкой на голенище, задумчиво рассматривал его.

Напротив него сидел другой монтажник, покуривал. Мирно текла беседа:

— У меня вот по материнской линии один из дедов, правда, двоюродный, тоже сапожник был... Он рассказывал: встречается, говорит, его на улице заказчик — купец подвыпивший... Это еще в старое время. Встречает и, значит, кулачищем своим прямым адресом в город Мордасы!.. Дед: за что, мол?! — кричит. Неужто плохие сапоги сшил?.. А тот: да нет, говорит. Не потому, что плохие, а потому, как слишком хорошие: носить надоело, а выбросить жалко!.. Какая была работа!

— А другой случай возьми... — начал было второй.

Но тут распахнулась в тепляке дверь, вошел начальник монтажников, а вслед за ним и Полосухин, и остальные.

— С тобой, Петр Игнатьич, товарищ из министерства хочет познакомиться.

— А-а, — протянул тот равнодушно, но глянул на Полосухина оценивающе.

— Когда, Петр Игнатьич, начать думаешь? — спросил Васильев.

— Да я вот соображаю: отложить, может?.. Надвижку?

— Погода? — понимающе спросил Перчаткин. — Метель?

— А что нам погода? — переспросил бригадир. — Тут другая забота... Думаю, фундамент под роликами все же не выдержит.

На лице у начальника монтажников промелькнуло: Петр Игнатьич в своем репертуаре, мол. Знаем мы эти штучки.

Но Полосухин насторожился:

— Это почему же, любопытно?

Однако старый монтажник был, видимо, из тех, кто любит сам задавать загадки, а не отвечать на них. Показывая пальцем на окошко, сказал неторопливо:

— А вы, мил-человек из министерства, гляньте-ка на площадку повнимательней, поймете — почему!

* * *

По заснеженному шоссе мчится «Волга». Рядом с водителем Валерой сидит явно расстроенная чем-то Эмма Борисовна.

Вдруг она словно на что-то решилась:

— Остановите, Валерий! Поехали обратно!

— На дачу? — удивился водитель.

— Да. На дачу. И поскорей!

— А кто же врача встретит?.. — и он смотрит на часы. — Самолет уже вот-вот!

— Ничего-ничего!

Валерий явно тянет:

— Человек из Москвы как-никак... Знаменитый доктор...

— Там есть кому его встретить, Валерий!.. Поворачивайте!

Водитель вышел, открыл капот.

— Плохо дело, — сказал, вернувшись в кабину. — Боюсь, что не заведется.

— Та-ак! — сказала Эмма Борисовна. — Значит, настоящий заговор!.. И против кого?.. Кто всю жизнь был с ним рядом, кто пытался, как мог... И вы, Валера, кому я всегда безгранично верила, — вы с ними тоже заодно!..

— Конечно, я с Николай Фадеечем заодно, но больше ни с кем.

— Даю вам слово, Валера, я только прослежу, чтобы они его одели как следует!.. Чтобы захватили лекарства... И тогда я буду спокойна!..

Машина завелась, стала разворачиваться.

К коттеджу Веденина, около которого стояла другая «Волга», они подъехали, когда сборы были здесь в самом разгаре.

Зоя с Райхом помогли одеться Веденину, а Нина Павловна укутывала Максима. И вдруг все замерли, словно застигнутые на месте преступления.

— Но ведь я тебе специально привезла другой костюм, Коля! — с громким укором сказала Эмма Борисовна. Она подошла к шкафу, выдернула из него вешалку с пиджаком, на котором висела звезда Героя труда.

Над чем другим, но над этим Веденин не задумывался и теперь покосился на Райха. Райх незаметно подмигнул ему: пусть!..

И пока Веденин с помощью дочери надевал этот пиджак, Эмма Борисовна продолжала свой инспекторский смотр.

— Смотри не простудись! — дотронулась она до шарфа на шее у Максима и обернулась к Райху: — Поглядывайте за моими мужчинами, Виктор Карлович, прошу вас!

Может быть, доктор Райх чувствовал себя сейчас виноватым больше, чем все другие?.. Теперь его словно прорвало:

— Я только потому и согласился поддержать эту безумную, с моей точки зрения, затею, чтобы самому... лично, понимаете? Лично за всем проследить. Не беспокойтесь!.. И я должен вам сказать, что вы сегодня, Эмма Борисовна, молодец...

Райх, не договорив, поцеловал руку Эммы Борисовны и бросился помогать Веденину.

* * *

За окном взревел мотор, резко взяла с места «Волга».

Эмма Борисовна туда и сюда прошла по комнате. Ее знобило. Накинула платок и села у камина, с тумбочки рядом взяла книжку. Открыла наугад и, борясь с подступающими слезами, вслух начала читать:

— «Так прошло лето и наступила холодная осень... И когда старый сэр Томас окончательно решил, что он умирает, он велел посадить себя у камина, собрал вокруг себя многочисленных своих домочадцев и сказал им: вот вам мое завещание...».

И Эмма Борисовна горько заплакала.

* * *

А отчаянно-веселый Веденин шагнул через порог тепляка, в котором все еще переобувался старый монтажник:

— Говорят, Игнатьич, смущаешь народ, а?.. Фунда-а-мент не выдержит!

— А ты в окошко, Николай Фадееч, поглянь! — весело ответил монтажник, явно довольный появлением Веденина. — Разве проектировщики на такую толпу рассчитывали?.. Вон сколько народу без дела на площадке толкается. И худеньких, скажу я тебе, нету, а все — под центнер!..

— Значит, помощь тебе требуется?

— Да, если можно бы их всех куда с глаз подальше!

С домом опытного заговорщика Веденин спросил:

— Подчасика на это дело мне даешь?

На широких скамейках в тепляке сидели и Максим, с которого Зоя успела стащить шубку, и Виктор Карлович со своим докторским саквояжем.

Раскрылась дверь, и, пропуская вперед Нину Павловну, в тепляк вошел радостный Ступин.

Веденин, не здороваясь, достал из кармана шубы бумагу:

— Почитай-ка!

(Продолжение. Начало см. в №№ от 10, 11, 13, 14, 15 и

16 апреля с. г.).